

УДК 811.161

СВОЕОБРАЗИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНСИОНАЛЬНО-ВАЛЕНТНОСТНЫХ СВОЙСТВ НЕОДНОСЛОВНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ТЕКСТЕ**В. С. Сидорец**кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Исследуются структурные свойства, семантическое наполнение и функционирование вербоидов (неоднословных наименований действия с десемантизированным компонентом) и вербоидных комплексов.

Введение

Предикатным признаком обладают те различные по протяжённости сегменты структурно-семантической системы, которые способны реализовывать, номинировать процессуальные факты объективно-субъективного мира с позиции глагола, являющегося ядром этой системы, потому что «глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия (*бежать, грузить, рыть*), и состояния (*лежать, спать, страдать*), и отношения (*иметь, преобладать, принадлежать*)» [1, 582].

Процесс номинации в функционально-семантической сфере процессуальности осуществляется различными речевыми средствами: цельноформленными единицами – глаголами; неоднословными наименованиями предикатного признака (в нашей терминологии – вербоидами) с десемантизированным, фазовым или другим компонентом (глаголом) на уровне функционального форманта – дериватора [2, 107], [3, 115], [4, 72], или, точнее, дериванта [5, 36], [6, 111], [7, 143–147] типа *вести репортаж, нанести поражение, оказывать демпфирующее действие, начинать монтаж, обмениваться информацией, отказать в выдаче лицензии*; словосочетаниями типа *играть на скрипке, перевязывать бинтом, покрывать асфальтом; делаться темно-зеленым, становиться-стать безразличным*. Особая значимость такой предикатной номинации в процессе коммуникации заключается в том, что она «представляет собой творческий процесс проникновения в суть конкретного явления, его познания» [8, 332].

Один из принципов исследования того, как происходит появление этих разноструктурных средств, породил целое научное направление в функциональной грамматике, опирающееся на метод номинативной деривации [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Весьма актуальной в современной лингвистической науке продолжает оставаться проблема исследования в аспекте номинативной деривации и функционирования в тексте вербоидов, берущих своё начало с глубокой древности и основательно расширяющих границы употребления в современных восточнославянских языках, поскольку эти аналитические единицы играют большую роль в процессе коммуникации, могут значительно увеличивать информационную плотность текста, которую достаточно просто формулирует Г. А. Золотова: «Берётся текст, в нём определяется количество предикативных единиц, которое делится на количество предложений. Получаем коэффициент плотности» [10, 221]. Информационной плотности текста способствует сама семантико-деривационная структура этих дискретных единиц – результат взаимодействия двух частей: дериванта и лексического центра вербоида – предикатно-признакового существительного или субстантивного словосочетания.

В зависимости от коммуникативных задач грамматическая инициатива в вербоидах может исходить от деривантов: *вести эксперимент, нести вахту, производить ремонтные работы, совершать акты вандализма*. Она может исходить и от лексических центров вербоидов. При этом лексический центр либо постоянен в проявлении грамматической инициативы, либо непостоянен: *происходит перестрелка, идут ремонтные работы, произошла авария; вести агитацию – ведется агитация, совершать акты вандализма – совершаются акты вандализма* [6, 111].

Мобильность, таким образом, компонентов вербоидов, ёмкость их семантики и деривационной структуры [2, 107–108] позволяют создавать в соответствии с замыслом

коммуникантов различные по содержанию и объёму текстовые фрагменты, особенно в сфере художественного текста.

Дериванты фигурируют как слова-экспликативы, называющие «отношение между субъектом и его признаком» [11, 40]: *заниматься* (он *занимается* ремонтом), *совершить* (он *совершил* ошибку). Особо выделяются Всеволодовой слова-классификаторы – «существительные, определяющие категориальный класс явлений действительности» [11, 46]: *чувство* радости, *состояние* болезни, *свойство* сохранять форму и др. При этом «не контекст “проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [11, 26].

Слова-классификаторы значительно расширяют структурно-семантические границы вербоидов и в сочетании с другими речевыми средствами превращают их в **объёмные структурно-семантические комплексы**, которые широко употребляются в художественном тексте.

Обратим внимание на вербоиды, включающие в свой состав в качестве классификатора существительное *чувство*, обладающее в русском языке сложной и ёмкой содержательной структурой [12, 1150]: 1) «Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрепала канонада, пальба, стук колёс экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетёры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперёд рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он **испытывает то чувство** удесятерённой радости жизни, **какого он не испытывал с самого детства**» [13, 199]; 2) «Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь **вызвать** в себе прежнее **чувство** умиления, повергся к вратам храма» [14, 87]; 3) «Устроился в большом доме в верхних покоях и **испытываю** счастливое **чувство** обновления» [14, 185]; 4) «И конвойные, как бы боясь в том горестном положении, в котором они сами находились, не **отдаться** бывшему в них **чувству** жалости к пленным и тем ухудшить свое положение, особенно мрачно и строго обращались с ними» [16, 163]; 5) «Кроме общего отчуждения от всех людей, Наташа в это время **испытывала** особенное **чувство** отчуждения от лиц своей семьи» [16, 186].

В каждом из примеров фигурируют контекстпартнёры классификаторов – непосредственно или опосредствованно связанные с ними прилагательные, которые представляют интенсифицированный эмоционально-экспрессивный признак. В качестве интенсификатора-распространителя категориально-концептуальной семантики классификатора в первом примере используется также синтаксическая конструкция-повтор, включающая в свой состав акцентирующий компонент: *какого не испытывал*. Кроме того, в первом примере часть, заключающая смысл, в которую входит вербоидная структура и грамматически зависимая от неё конструкция, является своеобразным итогом предшествующей части, характеризующейся объёмным реальным содержанием и повышенной коннотацией. Это свидетельствует о том, что вербоидная структура *испытывать чувство обновления* – естественный и необходимый компонент в данном текстовом сегменте.

По существу то же можно сказать и о других вербоидах, приведенных выше. Так, теоретическая возможность, но практическая абсурдность трансформаций этих дескрипций, особенно в однословные компоненты (*вызвать чувство умиления – почувствовать умиление – умилиться; испытывать чувство обновления – чувствовать обновление – обновляться; не отдаться чувству жалости – не почувствовать жалость – не пожалеть; испытывать чувство отчуждения – чувствовать отчуждение – «отчуждаться»*) наглядно подтверждается контекстом, его стилистическими рамками и литературной нормой. Так, например, коммуникативно допустимые, находящиеся на одной стилистической линии с вербоидом *не отдаться чувству жалости* синонимические коммуникативные эквиваленты *не почувствовать жалости* и *не пожалеть* не воспринимаются текстом: препятствие на пути включения их в текст создает словосочетание *бывшему в них*, подчеркивающее, выделяющее семантику классификатора *чувство*.

Комплексы вербоидов, включающие в себя классификаторы, характеризуются более сложным структурно-смысловым рисунком: 1) «Он не мог отказаться от места или, скорее, звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, а знакомств, зовов

и общественных занятий было столько, что Пьер еще больше, чем в Москве, **испытывал чувство отуманенности, торопливости** и всё наступающего, но не совершающегося какого-то **блага**» [13, 257]; 2) «Но он всей душой желал верить, и верил, и **испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни**» [14, 75]; 3) «Пьера **охватило чувство ужаса и гадливости, подобное тому, которое он испытывал при прикосновении к какому-нибудь маленькому животному**» [15, 408]; 4) «Кто из русских людей, читая описание последнего периода кампании 1812 года, не **испытывал тяжелого чувства досады, неудовлетворенности и неясности**» [16, 177]; 5) «При упоминании о княжне Марье Ростов **испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха**» [16, 24];

Весьма удачно передается психическое состояние Пьера в первом предложении, особенно той его частью, которую представляет комплекс вербоидов «**испытывал чувство отуманенности, торопливости, ... блага**». Семантическое разнообразие этой конструкции, выражаемое всеми ее компонентами, а также цельность, монолитность структуры создают своеобразный смысловой «фокус», направленный на сознание читателя и вызывающий у него ответную мощную реакцию. Понятно, что попытки определенным образом трансформировать эту конструкцию безуспешны, так как они могут значительно уменьшить её эмоционально-экспрессивный «заряд», ослабив авторское воздействие на читателя.

Не могут быть заменены однословными коммуникативными эквивалентами – глаголами – структурные части комплекса вербоидов **испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения (успокоился, обновился, возвратился)**. Этому не способствует особый, книжный характер именных компонентов **успокоение, обновление, возвращение**, элементы семантической градации этих компонентов, прилагательное **радостный** перед классификатором **чувство**.

Не подвержено трансформации предложение в третьем примере. Во-первых, центр вербоидного комплекса – классификатор **чувство** – закреплён структурно и семантически адъективным словосочетанием **подобное тому**, получающем логическое продолжение придаточной частью, в составе которой функциональный и смысловой дубликат отмеченного комплекса **которое испытывал**. Во-вторых, отсутствует однословный коммуникативный эквивалент вербоидной конструкции **охватило чувство гадливости**, который мог бы быть структурно-семантической параллелью к глаголу **ужаснуло**, коммуникативному эквиваленту вербоидной конструкции **охватило чувство ужаса**.

В четвёртом примере, кроме семантически нарастающей градации именных компонентов вербоидов, наличия прилагательного **тяжелый**, препятствующего структурным изменениям всей конструкции, сохранению её монолитности способствует отсутствие однослового коммуникативного эквивалента к вербоидной конструкции **испытывать чувство неясности («неяснуться»)**. Не изменяет ситуации существование в языке однословных коммуникативных эквивалентов **досадовать, удовлетворяться**, которые по стилистическим и дистрибутивным свойствам остаются за пределами данного комплекса.

В пятом примере деривационный комплекс «**испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха**» цементируется адъективным словосочетанием **непонятное для него самого**.

В одном из отрывков 27-го раздела третьей части III-го тома раскрывается характер концепта **чувство** с позиции Пьера Безухова, обдумывающего план покушения на Наполеона. Весьма красноречиво начало отрывка: «**Два одинаково сильные чувства** (выделено мною. – В. С.) **неотразимо привлекали Пьера к его намерению. Первое было чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья, то чувство, вследствие которого он 25-го поехал в Можайск и заехал в самый пыл сражения... другое – было то неопределённое, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира**» [15, 372]. Л. Н. Толстой с точки зрения своего художественного замысла основательно конкретизирует второе чувство следующей далее частью отрывка, в которой, наряду с другими речевыми средствами, активную роль играет вербоид **испытать чувство**: «**В первый раз Пьер испытал это странное и обаятельное чувство в Слободском дворце...**»; «**С самого того дня, как Пьер в первый раз испытал это чувство в Слободском дворце, он непрестанно находился под его влиянием, но только теперь нашёл ему полное удовлетворение**» [15, 372].

Широко используется активизация структурно-семантических возможностей вербоидов И. А. Бунинным, которая также осуществляется включением в их состав слов-классификаторов,

определяющих «категориальный класс явлений действительности»: «Забегала и Катя к Мите, в его студенческие номера на Молчановке, и свидания их, как и прежде, почти сплошь **протекали в тяжком дурмане поцелуев**» [17, 183]; «И Мите стало приходить в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая, хотя и не виновата в этом, всё-таки, вероятно, это чувствует, понимает и поэтому уже как бы **находится с ним в мерзких, преступных отношениях** (отношениях мерзости, преступности)» [17, 185]; «Душа Кати или тело **доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертного блаженства** (блаженства предсмертного состояния. – В. С.), когда он растёгивал её кофточку и целовал её грудь, райски прелестную и девственную, раскрытую с какой-то душой потрясающей покорностью, бесстыдностью чистойшей невинности» [17, 188]; «Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слёзы вдруг сделали её страшно родною ему, **пронзили его чувством острой жалости** и как будто какой-то **вины перед ней**» [17, 189]; «Когда Митя на другой день по приезде, проспавши двенадцать часов, вымытый, во всём чистом, вышел из своей солнечной комнаты, она была окнами в сад, на восток, – и прошёл по всем другим, он живо **испытал чувство** их **родственности** и мирной, успокаивающей и душу и тело **простоты**» [17, 196].

Слова-классификаторы используются И. А. Буниным для категоризации определённых объектов ментально-психического мира Мити. В процессе категоризации стимулируется привлечение экспрессивной и образной лексики, прежде всего прилагательных, для укрепления смысловых позиций классификаторов. «Рассылка» таких прилагательных (*мерзкий, преступный, предсмертный*) на соответствующие участки вербоидных структур, привлечение дополнительных конкретизаторов вербоидных компонентов (*тяжёлый, острый, мирный, успокаивающий*) значительно усиливает речевую значимость этих компонентов в тексте, выражающих в основном активизацию и закрепление неотвратимого в судьбе Мити. В качестве классификаторов выступают, как видим, существительные *дурман, отношения, блаженство, чувство*.

Своеобразной «передышкой» в приближении роковой развязки – смерти Мити – является содержание последнего предложения с речевым центром – классификатором вербоидного комплекса *чувство*, который эксплицируется зависящими от него существительными *родственность* и *простота*. Последнее выступает с конкретизатором, весьма ёмким по семантике многочленным определением *мирной, успокаивающей и душу и тело*, содержательная насыщенность которого передаётся как семантикой его компонентов, так и причинно-следственными отношениями между прилагательным и распространённым причастием: *мирная, поэтому успокаивающая*.

Как отмечалось выше, для интенсификации коммуникативной значимости денотативного процессуального или статального факта привлекаются вербоиды, у которых грамматическая инициатива идёт от именованного компонента: «И вот праздник наконец наступал, – ночью с субботы на воскресенье в мире **совершался** некий дивный **перелом** (совершать перелом – С. В.), Христос побеждал смерть и торжествовал над нею» [18, 27]; «Замолаживает – это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нём **совершается** некое сладкое **брожение** (совершать брожение. – С.В.), некое **освобождение** (совершать освобождение. – С.В.) от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности» [18, 84]; «Каким счастьем были для меня балы, если на них не **страдала моя ревность!**» [18, 220]; «Но **охватывал** такой **страх** опять даром потратить день, **охватывало** такое **нетерпение** как можно скорей – и нынче уже как следует! – засесть за стол, что я кидался к звонку, настойчиво гнал по коридору его зовущее дребезжание» [18, 236].

Выводы

Итак, однословные предикаты с десемантизированным компонентом – вербоиды – весьма важные элементы в приведённых выше текстовых фрагментах. Распространяемые словами-классификаторами и их контекстпартнёрами, они превращаются в интенционально ёмкие по семантике и весьма динамичные в деривационно-валентностном отношении вербоидные комплексы, организуют языковой материал в различные по содержанию, структуре и информационной плотности семантические блоки, что способствует выявлению новых смыслов в процессе реализации разнообразнейших фактов из ментально-психической сферы человеческой деятельности.

Дальнейшее разноаспектное исследование этих образований позволит наметить и определить закономерности их семантического наполнения, типы деривационно-структурных изменений через функционирование в речи.

Литература

1. Русская грамматика : в 2 т. / Н. Ю. Шведова (гл. Ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
2. Сідарэц, В. С. Трыманне і спосабы дзеяння ў сферы сучасных усходнеславянскіх вербаідаў / В. С. Сідарэц // *Весті АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 1995. – № 1. – С. 104–109.
3. Сідарэц, В. С. Праблемы размежавання вербаіда і фразеалагізма / В. С. Сідарэц // *Весті АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* 1996. – № 3. – С. 115–121.
4. Сидорец, В. С. Современные восточнославянские неоднословные наименования действия с десемантизированным компонентом в системно-функциональном сопоставительном аспекте / В. С. Сидорец // *Вопросы языкознания.* – 1999. – № 6. – С. 66–78.
5. Сидорець, В. С. Проблема статусу вербаідаў у східнослов'янскіх мовах: стан і перспектывы даслідження / В. С. Сидорець // *Мовознавство.* – 2003. – № 6. – С. 33–41.
6. Сідарэц, В. С. Статус неаднаслоўных найменняў дзеяння ва ўсходнеславянскіх мовах / В. С. Сідарэц // *Весті НАН Беларусі.* – 2006. – № 4. – С. 111–122.
7. Сидорец, В. С. *Предпринимать, вдаваться (до), распачынаць*: функцыянальна-дерывацыйныя сродства і разліччя / В. С. Сидорец // *Веснік Мазырскага дзярж. ун-та імя І. П. Шамякіна.* – 2012. – № 4 [37]. – С. 143–148.
8. Языковая номинация. (*Виды наименований*) / Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева (отв. ред.). – М. : Наука, 1977. – 360 с.
9. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. школа, 1985. – 157 с.
10. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 1998. – 528 с.
11. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : изд-во МГУ, 2000. – 504 с.
12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Л. С. Ковтун, В. П. Петушков (ред-ры тома) [и др.]. – М. – Л. : Наука, 1965. – Т. 17. – Ст. 2126.
13. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. / Л. Н. Толстой // *Собр. соч. в 22-х томах.* – Т. 4. – М. : Художественная литература, 1979. – 400 с.
14. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. / Л. Н. Толстой // *Собр. соч. в 22-х томах.* – Т. 5. – М. : Художественная литература, 1980. – 429 с.
15. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. / Л. Н. Толстой // *Собр. соч. в 22-х томах.* – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1980. – 447 с.
16. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. / Л. Н. Толстой // *Собр. соч. в 22-х томах.* – Т. 7. – М. : Художественная литература, 1981. – 431 с.
17. Бунин, И. А. Повести и рассказы. 1917–1930 / И. А. Бунин // *Собр. соч. в 9-ти томах.* – Т. 5. – М. : Художественная литература, 1966. – 544 с.
18. Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Юность / И. А. Бунин // *Собр. соч. в 9-ти томах.* – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1966. – 340 с.

Summary

Structural abilities, semantic feeling and functioning of verboids (multiword names of action with a desemantised component) and verboids complexes are investigated.

Поступила в редакцию 11.11.13